

РУССКИЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.139

DOI 10.22213/2618-9763-2026-2-91-97

Д. О. Бральнин, кандидат филологических наук

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕХОВСКОГО ИНТЕРТЕКСТА В МАНГЕ «ВИШНЕВЫЙ САД»

Статья посвящена лингвистическому и интерсемиотическому анализу способов репрезентации чеховского интертекста в манге Акими Ёсиды «Вишневый сад» как форме лингвокультурной адаптации русской классики в японском поликодовом тексте. Рассматривается специфика включения чеховского слова в новую жанровую и культурную среду, где цитата перестает быть лишь знаком узнавания первоисточника и приобретает структурную, смысловую и эмоциональную значимость. В результате анализа установлено, что чеховский интертекст в манге реализуется преимущественно через устойчивый корпус точных цитат и частично трансформированных реплик, сохраняющих узнаваемость источника, но меняющих прагматику в новой повествовательной ситуации. Показано, что цитаты концентрируются в композиционно сильных позициях текста, прежде всего в начальных и финальных фрагментах, формируя рамочную организацию повествования и задавая его внутреннюю семантическую перспективу. Выявлено, что адаптация исходного текста осуществляется посредством дословного воспроизведения реплик, синтаксической компрессии, опущения ремарок и эмоционально-смыслового усиления отдельных высказываний. Особое значение приобретает прагматическое смещение цитаты: сохраняя словесную форму, она начинает функционировать в иной коммуникативной среде и соотносится с новым кругом персонажей и переживаний. Доказано, что чеховский интертекст в манге выполняет структурообразующую функцию, связывая школьную повседневность японских героинь с мотивами утраты, взросления и прощания, обеспечивая перенос культурной памяти в иной национальный и жанровый контекст. Манга Акими Ёсиды «Вишневый сад» демонстрирует вторичное смысловое развертывание классического русского текста в иной национальной, жанровой и семиотической среде.

Ключевые слова: интертекстуальность; А. П. Чехов; манга; «Вишневый сад»; поликодовый текст; культурная адаптация

Введение

Произведения, посвященные жизни зарубежных писателей, в том числе русских, или вдохновленных их творчеством¹, в последнее время нередко становятся активно представленными в формате японской манги – «японских комиксов, которые легко отличить от американских и европейских: черно-белая расцветка, странная особенность чтения, большие глаза персонажей...» [1, с. 1]. Неоднократно в научных трудах отмечается влияние манги на современную массовую культуру, в том числе и на западные визуальные продукты [2], а лингвокультурный образ изображаемой страны в этом случае «обладает национально-культурной спецификой и стереотипизированными

характеристиками, которые реализуются в языке» [3, с. 245].

Исследование интертекстуальности в современных поликодовых формах представляет особую значимость, поскольку позволяет проследить, каким образом русская классика продолжает функционировать в новых коммуникативных средах и как меняются способы ее языковой репрезентации. Способы цитатной репрезентации чеховского текста в поликодовой структуре манги, а также трансформация прагматики высказывания при смене семиотического кода до сих пор не становились предметом специального лингвистического анализа.

Манга Акими Ёсиды «Вишневый сад»² является показательным в этом отношении материа-

© Бральнин Д. О., 2026

¹ Тарасюк Ю. Б. Исторические персоналии и деятели культуры в манге для девочек и женщин // Изотекст: сб. материалов III конф. исследователей рисованных историй (Москва, 4 апреля 2018 г.). Москва : Российская государственная библиотека для молодежи, 2018. С. 131–145.

² Ёсида А. Вишневый сад: манга // LaLa. 1985–1986. 242 с. Русский перевод (апрель–август 2017 г.) произведения включает четыре основные главы («Бледные цветы», «Алые цветы», «Вино из цветов», «Цветочный шторм») и две дополнительные («Школьная принцесса» и «Послесловие»).

лом: она не пересказывает пьесу А. П. Чехова¹, а выстраивает самостоятельное повествование, в котором чеховский текст становится источником цитат, смысловых переключек и культурных ассоциаций, тем самым продолжая традицию влияния русской литературы на японскую культуру [4, 5]. В работе для анализа манги используется узкое, «операциональное» понимание интертекстуальности как вкрапления «чужого» текста, задающего дополнительное смысловое измерение и требующего распознавания источника читателем [6].

Творчество А. П. Чехова занимает значимое место в японском культурном восприятии русской литературы, драматургии и театра. Так, Осанаи Каору осуществил постановки ключевых чеховских пьес – «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад». Как отмечает М. П. Матвеева, «несмотря на различие культур, обнаруживаются пути [их, *комм.* – Д.Б.] сближения благодаря прочтению [одной, *комм.* – Д.Б.] культуры через язык театра [другой, *комм.* – Д.Б.]» [7, с. 94].

Исследователи неоднократно подчеркивали, что востребованность Чехова в Японии объясняется не только историей переводов и постановок, но и глубинной эстетической соотнесенностью его художественного мира с японской культурной чувствительностью. Так, по словам С. Р. Агеевой, творчество А. П. Чехова не следует законам западной новеллистики, однако новаторские изобразительные приемы писателя органично вписываются в эстетику японского искусства, что объясняет особую притягательность его прозы и драматургии для японского читателя и зрителя². Действительно, восприятие А. П. Чехова в Японии обусловлено не только литературными, но и глубинными культурно-эстетическими соответствиями, что делает его творчество особенно близким японской ментальности [8, с. 70]. В этом контексте манга Акими Ёсиды представляет собой не внешнее заимствование, а форму активного межкультурного диалога.

Актуальность работы определяется тем, что интертекстуальные связи между классическим русским произведением и японской мангой позволяют рассмотреть механизмы межкультурного переноса литературного текста, а также выявить, какими языковыми средствами обеспечивается узнаваемость первичного текста в ином жанре и в иной знаковой системе. Кроме того, манга как поликодовый текст требует рас-

смотрения не только отдельных цитат, но и условий их включения в новый повествовательный и визуальный контекст.

Для достижения поставленной цели в виде выявления и описания языковых механизмов репрезентации чеховского интертекста в манге Акими Ёсиды и определения, каким образом цитаты из пьесы функционируют в процессе лингвокультурной адаптации, в работе решаются следующие задачи:

- 1) определить корпус чеховских цитат, введенных в текст манги;
- 2) сопоставить оригинальные реплики пьесы и их реализацию в манге;
- 3) выявить типы трансформации цитат;
- 4) установить композиционные и смысловые функции цитирования в структуре манги.

Научная новизна статьи состоит в том, что манга Акими Ёсиды «Вишнёвый сад» рассматривается не с точки зрения общей рецепции русской классики, а как текст, в котором чеховский интертекст образует устойчивый цитатный каркас и выполняет структурообразующую функцию.

Чеховский интертекст как структурообразующий элемент манги

Специфика материала состоит в том, что манга является поликодовым текстом, где смысл производится не только словами, но и компоновкой страницы, панельной сеткой, иконографией, позами, направлением взгляда персонажа и ритмом чтения. Именно поэтому ремарка в драме и визуальный кадр в манге вступают в функциональное соответствие: часть того, что в пьесе выражается через авторскую ремарку, в манге потенциально переносится в изображение или монтаж [9].

По мнению И. Антанасевич, манга как политекстуальное образование насыщена «не только внутритекстовыми аллюзиями, но и графическими и культурологическими реминисценциями» [10, с. 132], что требует комплексного анализа. Манга «Вишневый сад» относится к жанру сёдзё (для девушек) и повествует о повседневной жизни японских школьниц.

Согласно современным лингвокультурологическим исследованиям, интертекстуальность представляет собой сложную систему связей между текстами, проявляющуюся на различных уровнях. Как отмечает Л. С. Большакова, «средства интертекстуальности, а именно цитаты, литературные аллюзии, реминисценции, способст-

¹Чехов А. П. Вишневый сад: комедия. 1903.

²Агеева С. Р. Взаимная симпатия А. П. Чехова и Японии // #ScienceJuice2020: сб. ст. и тезисов, Москва, 23–27 ноября 2020 г. Т. 1. Москва: Парадигма, 2021. С. 316–319. EDN: EUPLYL

вуют объективации знаний о мире и культуры в текстах» [11, с. 49] и служат механизмом передачи культурных смыслов в рамках дискурса.

В манге пьеса «Вишневый сад» не просто упоминается: школьное пространство и история героинь организуются так, что чеховский текст становится внутренним кодом произведения. Однако важно учитывать, что японская интерпретация русской классики неизбежно преломляется через призму национальной культуры: школа, окруженная цветущими вишнями и связанная с традицией ежегодной постановки пьесы силами драматического клуба «Цветение вишни»¹, приобретает символическое сходство с садом как пространством памяти, утраты и перехода: «*Стоящая на вершине холма и окруженная сотнями вишневых садов, моя школа кажется увенчанной таинственной розовой короной в то время, когда сады начинают цвести...*»². В результате чеховский текст начинает работать в двух измерениях: помимо сохранения связи с первоисточником, он приобретает новое значение, будучи встроенным в повествование о взрослении японских школьниц, пространство школы символически уподобляется утрачиваемому «саду», что является универсальным мотивом переходного возраста героинь.

Несколько раз на протяжении текста встречается указание на то, что русские фамилии очень трудные для произнесения: «*Ну, это русская фамилия, они там все трудные и странные... Тьфу, язык поломаешь – Ра...нев...ска...я... Нужно много усилий, чтобы выучить свою роль и запомнить все имена...*»³; «*– Как дела с постановкой? Уже выучила роль? – Ну... если честно, еще нет. Имена слишком трудные для произношения*»⁴. Такие реплики выполняют металингвистическую функцию, акцентируя культурный барьер, делают акцент на фонетической чуждости японскому человеку русских слов и реалий. Однако в контексте манги становится понятным, что культурную дистанцию можно преодолеть благодаря театру.

В структуре манги зафиксирован целый корпус узнаваемых цитат из пьесы А. П. Чехова, распределенных так, что они образуют рамку

повествования и маркируют эмоционально значимые эпизоды: большая часть цитат восходит к первому и четвертому действиям пьесы, что отчетливо соотносится с мотивами прибытия, воспоминания, прощания и расставания. В манге те же мотивы переосмысляются применительно к школьной жизни, где окончание одного этапа и переход к другому переживаются как аналог прощания с «садом».

Сравнение текста пьесы А. П. Чехова и манги Акими Ёсиды позволило выделить восемь цитат, найденных во вторичном тексте. В таблице представлено сопоставление выявленных цитат и их реализация в манге (таблица).

В анализируемом корпусе цитат три реплики из первого действия пьесы А. П. Чехова размещены на одной странице в первом, четвертом и пятом кадрах⁵. Между ними располагается экспозиционный слой: сведения о составе клуба «Цветение вишни» и стремлении участниц «показать себя в лучшем свете», затем следует реплика руководителя кружка о необходимости «усилить энергию» и говорить громче, чтобы реплики были слышны даже в шумной аудитории.

В пьесе эти три реплики принадлежат Ане, Дуняше и Любви Андреевне и фокусируют внимание читателя на мотиве возвращения и «погружения в прошлое»: Аня фиксирует телесное истощение после дороги (не спала, озябла), Дуняша маркирует временной разрыв (уехали в пост, тогда был снег и мороз), а Любовь Андреевна проговаривает вспышку памяти о детстве в «детской» – с ремаркой о плаче. Важно отметить, что выбор цитат обусловлен гендерно-ролевым соответствием адресата и источника: сёдзё-манга концентрируется вокруг женской школы и участниц драмкружка.

Сопоставление восьми цитат с текстом оригинала показывает, что доминирующим способом репрезентации чеховского текста в манге является точное цитирование – пять цитат из восьми⁶. Это принципиально важно, поскольку узнаваемость источника поддерживается не общим пересказом, а сохранением чеховской словесной ткани, манга не растворяет исходный текст в повествовании, а демонстративно удерживает его в памяти читателя.

¹ Ёсида А. Вишневый сад: манга. 1985–1986 (в рус. пер. – 2017). С. 14.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Речь идет о трех кадрах на стр. 14 (см. таблицу).

⁶ Точное воспроизведение цитат из пьесы А.П. Чехова представлено в следующих случаях: примеры № 2, 3, 4, 7, 8 (см. таблицу).

Сопоставление цитат в оригинале пьесы и их реализации в манге

A comparison of quotes in the original play and their implementation in the manga

№ п/п	Текст пьесы	Реализация в манге
1	<i>Любовь Андреевна.</i> Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (Плачет.) И теперь я как маленькая... (д. 1)*	Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (Плачет.) И теперь я как маленькая... (с. 14)
2	<i>Дуняша.</i> Вы уехали в Великом посту, тогда был снег, был мороз, а теперь? (д. 1)	Вы уехали в Великом посту, тогда был снег, был мороз, а теперь? (с. 14)
3	<i>Аня.</i> Я не спала в дороге четыре ночи... теперь озябла очень (д. 1)	Я не спала в дороге четыре ночи... теперь озябла очень (с. 14)
4	<i>Дуняша.</i> Хоть бы взглянули, разочек, Яша. Вы уезжаете... меня покидаете (д. 4)	Хоть бы взглянули, разочек, Яша. Вы уезжаете... меня покидаете (с. 59)
5	<i>Яша.</i> Что ж плакать? (Пьет шампанское.) Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели (д. 4)	Что ж плакать? (Пьет шампанское.) Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели (с. 59)
6	<i>Епиходов.</i> Каждый день случается со мной какое-нибудь несчастье. И я не ропщу, привык и даже улыбаюсь (д. 1)	У меня несчастье каждый день, и я, позволю себе так выразиться, только улыбаюсь, даже смеюсь (с. 60)
7	<i>Дуняша.</i> Человек он несчастливый, каждый день что-нибудь. Его так и дразнят у нас: двадцать два несчастья... (д. 1)	Человек он несчастливый, каждый день что-нибудь. Его так и дразнят у нас: двадцать два несчастья... (с. 80)
8	<i>Любовь Андреевна.</i> О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье моё, прощай!.. Прощай!.. В последний раз взглянуть на стены, на окна... По этой комнате любила ходить покойная мать (д. 4)	О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье моё, прощай!.. Прощай!.. В последний раз взглянуть на стены, на окна... По этой комнате любила ходить покойная мать (с. 96–97)

Источник: составлена автором.

Примечание. д. – действие из пьесы Чехова; с. – страница в манге, где была зафиксирована цитата.

Вместе с тем полное воспроизведение не является единственной стратегией. В нескольких случаях¹ автор манги прибегает к сокращению реплик за счет устранения ремарок. Такая трансформация, как уже подчеркивалось ранее, закономерна для поликодового текста: действие, которое в драме обозначено ремаркой, в манге может быть передано изображением, композицией кадра, выражением лица персонажа или монтажом последовательности, что с языковой точки зрения означает переход от драматургического текста к иной форме речевой организации. Однако в рассматриваемой манге на визуальном уровне никак не отражены ни плач, ни распитие шампанского.

Особого внимания заслуживает трансформированная реплика, восходящая к речи Епиходова: «У меня несчастье каждый день, и я, позволю себе так выразиться, только улыбаюсь, даже смеюсь»². Здесь несколько меняется синтаксическая конфигурация высказывания и его эмоциональный рисунок: чеховское «даже улыбаюсь» в манге заменяется на «улыбаюсь, даже

смеюсь». Цитата не утрачивает связи с источником, а, напротив, демонстрирует, как интертекст может сохранять идентичность при частичном преобразовании.

Не менее значим и композиционный аспект. Цитаты из первого и четвертого действий пьесы образуют своеобразный каркас манги, где начальные цитаты связаны с возвращением, памятью, ощущением внутренней настроенности; финальные – с мотивами разлуки, завершения и прощания. В результате возникает не механический набор цитат, а интертекстуальная арка, которая структурирует весь текст. Именно поэтому чеховский интертекст следует рассматривать не как стилистическое украшение, а как средство организации смыслового пространства произведения.

Для лингвистического анализа важно, что цитаты функционируют в новой коммуникативной среде. В пьесе они принадлежат определенным персонажам и разворачиваются внутри драматического действия, тогда как в манге те же реплики попадают в иной сюжетный мир

¹ В примерах № 1 и 5 (см. таблицу).

² *Ёсида А.* Вишневый сад: манга... С. 60.

и начинают обозначать переживания других героев, не тождественных чеховским персонажам. Происходит прагматическое смещение: реплика сохраняет текстовую форму, но меняет субъектную привязку и смысловую перспективу. В этом проявляется один из ключевых механизмов интертекстуальности: цитата остается на уровне словесного состава, но становится другой на уровне функции.

Анализ результатов

Чеховский интертекст в манге Акими Ёсиды организован как система цитат различной степени точности, работающих в тесной связи с визуальной структурой текста. Через эти цитаты японская школьная история включается в поле русской классической семантики, а сама манга превращается в пространство межкультурного диалога.

В манге выявляется устойчивый и ограниченный корпус чеховских цитат, что свидетельствует не о спонтанном, а о целенаправленном использовании интертекста: восемь зафиксированных реплик образуют опорную сеть текстовых отсылок, достаточную для поддержания связи с пьесой.

Количественно преобладают точные и почти точные цитаты. Это означает, что при адаптации классического текста манга ориентируется не на свободное сюжетное заимствование, а на сохранение языковой узнаваемости источника. Для читателя это создает эффект постоянного присутствия чеховского слова внутри нового произведения. Опускание ремарок объясняется спецификой поликодового текста: упрощение синтаксиса и эмоциональное усиление отдельных реплик обусловлены жанровой природой манги и ее коммуникативной установкой на более непосредственное выражение переживания.

Интертекст выполняет несколько функций: маркирует престиж первоисточника, задает эмоциональную рамку и обеспечивает сближение чеховского мира с историей японских школьниц. Особенно важной оказывается функция семантического переноса: мотивы сада, утраты, молодости и прощания перестают принадлежать только пьесе и начинают определять логику нового текста. Анализ подтверждает, что межкультурная адаптация осуществляется в манге прежде всего языковыми средствами. В условиях смены жанра, аудитории и национального контекста цитата становится главным носителем культурной памяти. В результате манга демонстрирует не упрощение классики, а ее вторичное смысловое развертывание в новом дискурсе.

Выводы

Основными способами адаптации чеховского текста в манге являются дословное воспроизведение реплик, синтаксическая компрессия, опускание драматургических ремарок и эмоционально-смысловое усиление отдельных высказываний. Установлено, что цитаты сосредоточены в композиционно сильных позициях и образуют рамочную конструкцию произведения. Благодаря этому чеховский интертекст выполняет не периферийную, а структурообразующую функцию.

В лингвокультурном аспекте манга демонстрирует продуктивную модель переноса русской классики в японский культурный контекст. Чеховское слово оказывается способным сохранять свою семантическую емкость и одновременно приобретать новые значения, связанные с темами взросления, школьной повседневности, эмоционального самоопределения и прощания.

Следовательно, манга Акими Ёсиды «Вишневый сад» может рассматриваться как показательный пример того, каким образом интертекстуальность обеспечивает продолжение жизни классического текста в иной национальной, жанровой и дискурсивной среде.

Перспективным направлением исследования представляется сопоставительный анализ данной манги с другими адаптациями русской классики в японском поликодовом дискурсе, что позволит выявить устойчивые стратегии лингвокультурного переноса.

Библиографические ссылки

1. *Денисова А. И.* Семиотика в манга и аниме // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12. С. 260–264. EDN: TGNGWX
2. *Олешкевич К. И., Шубина Г. Р.* Феномен аниме и манга в современной массовой культуре // Молодой ученый. 2021. № 18. С. 284–287. EDN: CSODBL
3. *Макарова А. Д.* Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 243–245. EDN: OZMXQJ
4. *Кубасов А. В., Михайлова О. А.* Креативность в интерпретации классики // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. Вып. 31. С. 399–409. EDN: RQVYIR
5. *Магера Ю. А.* Литературная классика в японской манге: комиксы Тэдзука Осаму // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 9. С. 100–115. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-9-100-115

6. Еременко Е. Г. Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2012. № 6. С. 130–140. EDN: RXASLF

7. Матвеева М. П. Рецепции российского искусства в культуре Японии // Филологический полилог. 2017. № 1. С. 89–98. DOI: <https://doi.org/10/31119/phlog.2017.1.9>

8. Гуревич Т. М. Чехов в Японии: отобразы к слову // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 68–77.

9. Антонникова А. С. Трактовки феноменов «поликодовый текст» и «мультимодальный текст» в работах зарубежных и отечественных исследователей // Журнал филологических исследований. 2023. № 2. С. 76–81. EDN: JBMTPH

10. Антанасиевич И. Русская классика в картинках // Русский комикс Королевства Югославия. Нови-сад: Комико, 2014. С. 131–156.

11. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник НовГУ. 2008. № 49. С. 48–51. EDN: IUKDSP

References

1. Denisova A.I. [Semiotics in manga and anime]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki*, 2014, no. 12, pp. 1-5 (in Russ.). EDN: TGNGWX

2. Oleshkevich K.I., Shubina G.R. [The phenomenon of anime and manga in modern mass culture]. *Molodoy ucheny'y*, 2021, no. 18, pp. 284-287 (in Russ.). EDN: CSODBL

3. Makarova A.D. [Linguocultural image: the essence of the concept]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2011,

Iss. 60, no. 33 (248), pp. 243-245 (in Russ.). EDN: OZMXQJ

4. Kubasov A.V., Mikhailova O.A. [Creativity in the interpretation of the classics]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazy'k. Sistema. Lichnost': Lingvistika-kreativa*, 2022, no. 2, Iss. 31, pp. 399-409 (in Russ.). EDN: RQVYIR

5. Magera Yu.A. [Literary classics in Japanese manga: Osamu Tezuka's comics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazy'koznanie. Kul'turologiya*, 2021, no. 9, pp. 100-115. (in Russ.). DOI: 10.28995/2686-7249-2021-9-100-115

6. Eremenko E.G. [Intertextuality, intertext and basic intertextual forms in literature]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika xudozhestvenny'x sistem*, 2012, no. 6, pp. 130-140. (in Russ.). EDN: RXASLF

7. Matveeva M.P. [Receptions of Russian art in Japanese culture]. *Filosofskij polilog*, 2017, no. 1, pp. 89-98. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10/31119/phlog.2017.1.9>

8. Gurevich T.M. [Chekhov in Japan: From image to word]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2010, no. 3, pp. 68-77. (in Russ.).

9. Antonnikova A.S. [Interpretations of the phenomena of “polycode text” and “multimodal text” in the works of foreign and Russian researchers]. *Zhurnal filologicheskix issledovanij*, 2023, no. 2, pp. 76-81. (in Russ.). EDN: JBMTPH

10. Antanasievich I. *Russkaya klassika v kartinkax* [Russian classics in pictures]. *Russkij komiks Korolevstva Jugoslaviya*. Novi Sad, Komiko Publ., 2014, pp. 131-156. (in Russ.).

11. Bolshakova L.S. [On the content of the concept of “polycode text”]. *Vestnik NovGU*, 2008, no. 49, pp. 48-51. (in Russ.). EDN: IUKDSP

D. O. Bralnin, Candidate of Philological Sciences
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

REPRESENTATION OF CHEKHOV'S INTERTEXT IN THE MANGA “THE CHERRY ORCHARD”

This article explores the linguistic and intersemiotic representation of Chekhov's intertext in Akimi Yoshida's manga “The Cherry Orchard” as a form of linguacultural adaptation of Russian classics in a Japanese polycode text. The study examines the specifics of incorporating Chekhov's words into a new genre and cultural environment, where quotation ceases to be a mere sign of recognition of the original source and acquires structural, semantic and emotional significance. The analysis reveals that Chekhov's intertext in the manga is realized primarily through a stable corpus of precise quotations and partially transformed lines that preserve the recognizability of the source but alter its pragmatics in the new narrative situation. It is shown that quotations are concentrated in compositionally strong positions in the text, primarily in the opening and closing fragments, shaping the narrative's framework and establishing its internal semantic perspective. It has been revealed that the adaptation of the source text is accomplished through verbatim reproduction of lines, syntactic compression, omission of remarks, and the emotional and semantic enhancement of individual utterances. The pragmatic shift of the quotation is particularly significant: while retaining its verbal form, it begins to function in a different communicative environment and relates to a new set of characters and experiences. It has been demonstrated that Chekhov's intertext in the manga performs a structure-forming function, linking the everyday school life of the Japanese heroines with themes of loss, growing up, and farewell, ensuring the transfer of cultural memory to a different national and generic context. Akimi Yoshida's manga the Cherry Orchard demonstrates the secondary semantic development of a classic Russian text in a different national, generic and semiotic environment.

Keywords: intertextuality; A.P. Chekhov; manga; “The Cherry Orchard”; polycode text; cultural adaptation

Получена: 25.03.2026

ГРНТИ 16.21.33

Образец цитирования

Бральнин Д. О. Репрезентация чеховского интертекста в манге «Вишневый сад» // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2026. Т. 22, № 2. С. 91–97. DOI: 10.22213/2618-9763-2026-2-91-97

For Citation

Bralnin D.O. [Representation of chekhov's intertext in the manga “The cherry orchard”]. *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2026, vol. 22, no. 2, pp. 91-97 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2026-2-91-97